

ОЛЕГ СМОЛИН

Религиозное просвещение?

25 сентября 2012 года Государственная Дума РФ приняла инициированное и поддержанное всеми фракциями заявление о защите религиозных чувств граждан Российской Федерации. На очереди проект федерального закона, посвященного «защите религиозных убеждений и чувств». Пока второй документ еще не вступил в силу, обратимся к первому.

«Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации отмечает, что современная демократическая Россия продолжает вековые традиции государственности». Вообще-то традиции по отношению к религии и церкви в разные века у нас были разными. Но об этом позже. А пока хочется спросить: с каких пор левые признают современную Россию демократической? Разве не мы в лице наших лидеров заявили о нелегитимности, например, последних думских и президентских выборов по причине, в одном случае, массового вброса бюллетеней, а в другом — массовых «каруселей»? И дело не только в этом.

В исследованиях по проблемам трансформации российского общества в конце XX века постсоветский политический режим определяется как «управляемая демократия», «фа-

садная демократия», «полудемократия», «мнимый конституционализм», «выборное самодержавие» и т. п. Ни один из 332 авторов, упомянутых в библиографии работ по данной тематике, составленной более десяти лет назад В. Григорьевым и А. Тимкиной, не квалифицирует возникший в России режим как однозначно демократический¹. Вряд ли кто-то решится утверждать, что демократии в стране стало больше.

«В течение многих веков существования России, особенно во времена драматических испытаний: в периоды чужеземного гнета, смут, войн, ослабления державы, — хранителями идей национального суверенитета, культурной и духовной идентичности всегда выступали христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Что здесь сказать? Не подлежит сомнению, что в периоды войн, смут и иных бедствий люди ищут опору и утешение в вере. Рациональные основания для надежды на лучшее в такие периоды обычно отсутствуют. Например, не оспаривает-

¹ См. **В. А. Гуртов.** Современная российская идеология как система и политическая реальность. — «Полис». 2001. № 3. С. 73.

ся большинством историков весьма значительная позитивная роль Русской православной церкви в период монголо-татарского нашествия и ига Золотой Орды.

Однако уже в XIX веке такой безусловный православный христианин, как Ф. М. Достоевский, констатировал, что русская церковь лежит в параличе. Точно так же безусловный православный христианин Н. Бердяев в конце 1930-х годов признавал, что в послеоктябрьскую эпоху церковь в значительной степени расплачивалась за грехи прошлого — за слишком тесное сращивание с властью, за оправдание угнетения и насилия. Хотя эти

солдаты шли в атаку с криком «За веру православную (или мусульманскую)!». Вспомним хотя бы свидетельство Константина Симонова:

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Впрочем, на все эти мелкие неточности можно было бы не обращать внимания, если бы не дальнейшее: «Особую роль в истории российского государства, в становлении и развитии национальной духовности и культуры сыграло православное христианство». Это чистая правда. Как заметил лет двадцать назад один известный

деятель культуры, в нашей стране мы все или почти все — дети православной культуры: верующие и атеисты. Добавлю: дети православной культуры, но не обязательно — религии.

К социалистам это относится в большей мере, чем к людям других убеждений, причем как минимум по двум причинам. Во-первых, родство

Согласно социологическим опросам, СССР был в числе мировых лидеров по ориентации населения на так называемые постматериальные ценности. В настоящее же время по этому показателю Россия примерно вдвое уступает социальным государствам Европы.

идей первоначального христианства и социализма неоспоримо. Не лишено оснований замечание Н. А. Бердяева о том, что канонизированные православной церковью Василий Великий и Иоанн Златоуст в определенном смысле были не меньшими коммунистами, чем К. Маркс и В. И. Ленин. Во-вторых, поиски правды и справедливости русской интеллигенцией XIX — начала XX века — от декабристов до большевиков, — черты подвижничества и даже мученичества в облике русских предшественников современных левых во многом связаны именно с тем, что они воспитаны на почве и в тради-

грехи, разумеется, не могут служить оправданием гонений на церковь и священнослужителей — с точки зрения людей нашей, нереволюционной эпохи, научившихся кое-чему на трагических ошибках дедов и прадедов.

Небудем забывать, что самым страшным испытанием едва ли не за всю историю нашей многострадальной Родины была Великая Отечественная война. И хотя в этот период И. В. Сталин действительно совершенно обоснованно обратился ко всем возможным духовным основам державы, не припомню ни одних военных мемуаров, в которых бы рассказывалось, что

циях русской православной культуры. Напротив, отмирание этой традиции нанесло бы непоправимый удар делу социализма, который предполагает работу на общее благо, во имя решения сверхличной, общезначимой задачи. Бердяев прав и тогда, когда утверждает, что социализм гораздо ближе к христианской идеологии, нежели индивидуалистический либерализм и прагматизм.

Согласно социологическим опросам, СССР был в числе мировых лидеров по ориентации населения на так называемые постматериальные ценности. В настоящее же время по этому показателю Россия примерно вдвое уступает социальным государствам Европы. Ситуацию, когда 55 процентов опрошенной молодежи заявляли о готовности ради жизненного успеха преступить общезначимые нормы нравственности и справедливости, даже Комитет Госдумы по делам женщин, семьи и детей в свое время официально характеризовал как духовно-нравственную катастрофу.

Однако продолжим анализ: «В современных условиях религиозные объединения выполняют важные задачи по сохранению духовного и культурного наследия России, по развитию государственно-церковных отношений и международного сотрудничества, укреплению гражданского мира и согласия, образованию подрастающего поколения и воспитанию его в духе любви и уважения к Отечеству. В последнее время участились случаи оскорбления религиозных чувств граждан, в том числе сопряженные с насилием. Особую тревогу вызывают террористические акты, совершенные на религиозной почве и направленные как на устранение духовных лидеров, так и на общую дестабилизацию обстановки».

Итак, в двух соседних абзацах признается, с одной стороны, что религия

содействует укреплению гражданского мира и согласия, а с другой — факт существования террористических актов на религиозной почве. Причем самое интересное, что то и другое — правда. Просто речь идет о разных проявлениях религиозного сознания, как правило, связанных с различными этапами его развития. В принципе это сознание может выступать как в современной, цивилизованной, вполне приемлющей другие конфессии форме, так и в форме радикально-фундаменталистской.

Те, кто думает, что подобное возможно лишь на исламской почве, пусть вспомнят хотя бы крестовый поход детей при Папе Иннокентии III в 1212 году, когда эти дети были отправлены на заведомое уничтожение, либо в лучшем случае пленение турками-сельджуками во имя якобы освобождения Гроба Господня и других христианских святынь. Кому этого мало, пусть вспомнят сотни тысяч сожженных на кострах инквизиции. Как ни печально, именем Христа, проповедавшего любовь и милосердие, в свое время было уничтожено не меньше людей, чем именем Аллаха и его Пророка.

«Убийства духовных лидеров, насилие в отношении верующих, спливание крестов, разрушение храмов, кощунственные хулиганские акции, вандализм на кладбищах, нанесение оскорбительных надписей — все эти действия направлены на разрушение многовековых духовно-нравственных основ России, дискредитацию традиционных ценностей и, по сути, служат возбуждению гражданской розни и подрыву суверенитета страны». Безусловно, антирелигиозный вандализм, тем более связанный с насилием и даже убийствами, подлежит самому жесткому осуждению. Правда и то, что он служит возбуждению гражданской розни.

А вот насчет угрозы подрыва суверенитета страны — явный перебор: не могу себе представить такой пляски в храме или такого осквернения кладбища, которое угрожало бы нашей независимости. Думаю, гораздо большую угрозу ей составляет тот факт, что российские политические лидеры, верящие только в «золотого тельца», но демонстративно стоящие со свечами в храмах под телекамерами, давно хранят «сбережения», учат детей, а иногда в свободное от работы время и живут семьями за границей. Пока это так, у иностранных держав всегда будут каналы влияния на отечественную политику.

Однако сейчас о другом. Задумаемся: откуда в нашей стране, где признавать себя неверующим теперь почти неприлично, появились акции антирелигиозного вандализма? Вспоминаю, как года три назад после очередной телевизионной дискуссии по поводу введения в школах православной культуры известный православный идеолог — один из умнейших и образованнейших в России — с тревогой повторил несколько раз: «Скоро будут гнать!» Тогда я не придал этому значения. Теперь же рискну утверждать: антицерковный вандализм — в значительной степени уродливая, извращенная реакция на «воцерковление» государства и огосударствление церкви.

Интересно: читал ли мой собеседник статью 91 проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»? Если читал, то что об этом думает? Цитирую фрагменты статьи:

«Статья 91. Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования

1. В целях формирования и развития личности в соответствии с семейными

и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями и основными образовательными программы могут быть включены, в том числе на основании требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов, учебные курсы, предметы и дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственных принципах, исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), или альтернативные им учебные курсы, предметы и дисциплины (модули).

Выбор одного из учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся.

2. Примерные основные образовательные программы в части учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственных принципах, исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), проходят экспертизу в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой централизованной религиозной организации в соответствии с ее внутренними установлениями...

3. Образовательные организации высшего образования, реализующие основные образовательные программы высшего образования по направлениям подготовки в области теологии в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, при разработке этих

образовательных программ учитывают примерные основные образовательные программы высшего образования по направлениям подготовки в области теологии, прошедшие экспертизу в соответствии с частью 2 настоящей статьи.

Учебные курсы, предметы и дисциплины (модули) в области теологии преподаются педагогическими работниками из числа рекомендованных соответствующей централизованной религиозной организацией.

4. К учебно-методическому обеспечению учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственных принципах, исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), а также учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей) в области теологии, привлекаются соответствующие централизованные религиозные организации.

5. Частные образовательные организации вправе на основании представления соответствующей религиозной организации (централизованной религиозной организации) включать в часть основных образовательных программ, формируемых участниками образовательного процесса, учебные курсы, предметы и дисциплины (модули), обеспечивающие религиозное образование (религиозный компонент). <...>

Примерные образовательные программы в части учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), обеспечивающих религиозное образование (религиозный компонент), а также примерные образовательные программы, направленные на подготовку служителей и религиозного персонала религиозных организаций, утверждаются соответствующей религиозной

организацией (централизованной религиозной организацией).

Учебно-методическое обеспечение указанных учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), а также примерных образовательных программ осуществляется соответствующей религиозной организацией (централизованной религиозной организацией). <...>

6. Образовательные организации, а также педагогические работники в случае реализации (преподавания) ими образовательных программ, предусмотренных частями 1, 3 и 5 настоящей статьи, могут получать общественную аккредитацию в централизованных религиозных организациях в целях признания уровня деятельности образовательной организации и педагогических работников, отвечающего критериям и требованиям, утвержденным централизованными религиозными организациями в соответствии с их внутренними установлениями. Порядок общественной аккредитации и права, предоставляемые аккредитованной образовательной организацией и педагогическому работнику, определяются проводящей ее российской централизованной религиозной организацией.

Общественная аккредитация не влечет за собой дополнительных финансовых или иных обязательств со стороны государства».

В кратком пересказе содержание статьи сводится к следующему:

— среди всех школьных предметов в законопроекте особый статус придается только одному — духовно-нравственной культуре;

— духовно-нравственная культура практически целиком сводится к религиозной культуре;

— в высших учебных заведениях вводится специальность «теология». Прежде она разрешалась стандарта-

ми и в целях соблюдения приличий нередко именовалась «светской». Теперь выделяется особо и прямо ставится под контроль религиозных организаций;

— право рецензирования программ и учебных пособий по основам духовно-нравственной культуры, а также теологии передается централизованным религиозным организациям;

— те же организации фактически превращаются в общественные аккредитационные и кадровые «агентства» по оценке деятельности образовательных организаций и отбору преподавателей дисциплин, так или иначе связанных с религией;

— негосударственные (частные) учебные заведения вправе вводить у себя религиозное образование, не спрашивая мнения родителей или студентов.

Понятно, что подобная статья не может не вызвать вопросов. Среди них следующие.

1. Насколько все это соответствует конституции светского государства и провозглашенному действующим законодательством (да и новым законопроектом) светскому характеру образования?

2. С каких пор духовно-нравственная культура стала фактически монополией религиозных учреждений?

3. Означает ли такой подход, что предметы, всегда считавшиеся средством духовно-нравственного воспитания, включая историю, мировую художественную культуру и особенно великую русскую литературу, от этой миссии впредь освобождаются и будут лишь «натаскивать» несчастных детей на мертвящие тесты ЕГЭ? И т. д. и т. п. и др.

Понятно, что при формальном равенстве конфессий преимущество в школьном преподавании получит именно Русская православная цер-

ковь. Чувствуя это, мусульманские духовные лидеры, с которыми мне доводилось общаться, в том числе в рамках телевизионных передач, выступали за сохранение светского характера образования. Их аргументация не была лишена оснований: каждый педагог, тем более отобранный определенной конфессией, будет акцентировать внимание на достоинствах и преимуществах своей религии, подчеркивая именно ее правоту, богоизбранность и т. п.; в итоге это может привести к противопоставлению детей по конфессиональному принципу. С другой стороны, в мусульманских республиках следует ожидать гораздо более жесткого, чем в традиционно русских регионах, принуждения большинства к изучению именно мусульманской культуры.

Кстати, о вековых духовно-нравственных устоях в виде традиционных религий. На этот счет мнения известных российских мыслителей сильно расходились. Уваровскую теорию официальной народности, предполагавшую три идеологических опоры царизма — самодержавие, православие и народность, — вспоминать не буду. Что же касается духовной и политической оппозиции, то одна ее линия (славянофилы, почвенники во главе с Ф. М. Достоевским, Н. А. Бердяев и др.) утверждала, что душа нашего народа — православная христианка. Но была и другая традиция, которая обосновывала свои выводы анализом народного фольклора. Так, знаменитый историк Н. И. Костомаров пытался опубликовать сборник народных пословиц и поговорок, однако не смог этого сделать: цензура не пропустила по причине ярко выраженного антиклерикального (не путать с антирелигиозным!) содержания фольклора, в котором жесткой иронии и осмеянию подвергались служители православного культа.

На ту же тему высказывался В. Г. Белинский в известном «Письме к Н. В. Гоголю»: «Но неужели и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабные сказки? Про попа, попадью, попову дочку, попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ — самый религиозный народ в мире? — Ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об иконе: “Годится — молиться, не годится — горшки покрывать”. Приглядитесь попристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

Между прочим, из рассказов моего деда знаю: ему дали имя Трофим (вместо желанного для родителей «Михаил»), поскольку мой прадед — церковный староста — находился в конфликте с местным священником, по его мнению, злоупотреблявшим в личных целях пожертвованиями прихожан.

Однако вернемся к думскому постановлению: «Государственная Дума решительно осуждает такие преступные действия и считает необходимым дать жесткий отпор деструктивным силам, восхваляющим антирелигиозный экстремизм, вандализм и хулиганство, разжигающим в обществе ненависть к Русской Православной церкви и другим религиозным организациям». Поддерживаю. Нет вопросов, кроме одного: мы осуждаем толь-

ко антирелигиозный экстремизм? А как быть с религиозным? Или в мире, да и в России, его не существует? Баланс нарушен в очередной раз.

«Государственная Дума отмечает необходимость усиления ответственности за оскорбление религиозных чувств граждан, в том числе за осквернение почитаемых верующими святынь, а также подчеркивает важность неотвратимости наказания за подобные действия». Как уже упоминалось, Госдума готовится принять поправки в Уголовный кодекс, предусматривающие ответственность за оскорбление религиозных убеждений и чувств. Об убеждениях — чуть ниже, а пока — о чувствах.

Думаю, с учетом реальной ситуации и общественного мнения левая оппозиция вполне может поддержать усиление ответственности за конкретные действия, которые воспринимаются значительным числом российских граждан как оскорбляющие их чувства — однако лишь при условии их четкого описания в законе. Если же, как это обычно бывает, формулировки закона останутся размытыми, его последствия окажутся противоположны заявленным целям: вместо тушения конфликта — его разжигание. Пройдемся хотя бы по хрестоматийной школьной литературе.

В. Г. Белинский уже цитировался выше. Но вот, например, «Сказка о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина в свое время была запрещена — как считалось, оскорбляла чувства верующих. Не будет ли запрещена вновь?

Чувства и убеждения едва ли не самого русского поэта С. Есенина были крайне парадоксальными в отношении даже не церкви, но самой религии:

Стыдно мне, что я в Бога верил,
горько мне, что не верю теперь.

Какие эмоции это вызовет у религиозных ортодоксов, предсказывать не берусь. А вот А. Блок, знаменитая поэма «Двенадцать», навеянная Октябрем 17-го:

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Здесь усмотреть оскорбление религиозных чувств вовсе немудрено.

Или еще — крайне непопулярные ныне строки из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах»:

Я думал — ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

Наверняка найдутся чувствующие себя оскорбленными. Хотя, как утверждают серьезные критики, Маяковский протестовал не против Господа Бога вообще, но против того, которым прикрывалась ненавистная ему власть. Не случайно содержание своей поэмы он иногда выражал четырьмя «криками»:

Долой *вашу* любовь!
Долой *ваше* искусство!
Долой *вашу* религию!
Долой *ваш* строй!

Курсив мой и предназначен для невнимательных: Маяковский отвергал именно ту форму государственной религии, о которой А. И. Герцен за семьдесят лет до него писал, что в России священник все более и более превращается в «духовного квартального». Кстати, «Былое и думы» в этой части тоже кого-то могут оскорбить.

Наконец, самым радикальным верующим могут показаться обидными и сомнения Омара Хайяма:

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

Более того, не вполне ясно, что в случае принятия закона будет с богатой философской и художественной литературой атеистического или просто антиклерикального толка? Ведь наверняка найдутся люди, утверждающие, что их оскорбляет безбожие как таковое.

А теперь насчет «оскорбления убеждений». Не уверен, что это выражение соответствует нормам русского языка; но если законопроект в такой версии будет принят, он должен относиться отнюдь не только к убеждениям религиозным. Не случайно Н. А. Бердяев все в той же работе «Истоки и смысл русского коммунизма» утверждал, что атеизм русской интеллигенции по сути был превращенной формой религиозности и по силе веры мало чем от нее отличался. Вспомните, как регулярно поливают грязью В. И. Ленина ежегодно в январе и апреле. Но ведь многие люди, верующие в социализм, чувствуют себя оскорбленными ничуть не меньше, чем верующие в Господа — от акций антирелигиозного вандализма!

Кстати, о русском атеизме как превращенной форме религиозности Н. А. Бердяев говорит на примере В. Г. Белинского, А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского — тех самых мыслителей, от которых вели свою родословную русские социалисты. Теперь у нас даже левые политики все чаще цитируют монархиста И. А. Ильина, которому при жизни подобная популярность среди социалистов не могла присниться даже в страшном сне.

Однако пора вернуться к постановлению: «Государственная Дума призывает средства массовой информации с особой ответственностью и деликатностью относиться к публикации материалов, освещающих события религиозного характера, воздерживаться от возбуждения межконфессиональной вражды и оскорбления религиозных чувств граждан».

Никаких возражений! Только надо иметь в виду, что аналогичную опасность таит в себе оскорбление национальных, а отчасти — и социальных чувств. Последние в нашей стране находятся в полузадушенном состоянии, иначе радио «Эхо Москвы» и «Новая газета» были бы завалены протестами по поводу предложений «либертарианки» Ю. Латыниной о лишении избирательного права тех, кто получает денег из бюджета больше, чем платит налогов: пенсионеров, студентов, большинства инвалидов, практически всей интеллигенции, работающей в госсекторе, — в целом более половины населения страны. Это, кстати, лишний раз доказывает, что властям успешно удалось перевести реальные социальные противоречия в выгодную для себя клерикально-антиклерикальную плоскость.

«Государственная Дума убеждена, что гонения на религию и духовенство, борьба с религиозным мировоззрением больше никогда не должны повториться в истории России». Первое абсолютно справедливо. Второе проблематично и во многом будет зависеть от позиции самой церкви. Если, например, православное духовенство будет следовать исключительно духовной миссии и не станет все более и более реально претендовать на государственный статус, ему обеспечена нормальная жизнь. При этом не стоит забывать, что развитие цивилизации более или менее прямо связано с нарастанием религиозной

индифферентности. В противном же случае все большего сращивания ведущей церкви с существующим политическим режимом противники последнего почти неминуемо будут придавать своей борьбе и антиклерикальный характер. Убежденность Государственной Думы в данном случае мало что меняет.

«Депутаты Государственной Думы призывают органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, иные общественные объединения, религиозные организации, средства массовой информации в своей деятельности уделять особое внимание дальнейшему развитию институтов гражданского общества в нашей стране, модернизации политической системы Российской Федерации с опорой на сохранение традиций христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Не возражая принципиально, отчасти могу понять, как можно развивать гражданское общество, опираясь на традиции ведущих отечественных конфессий. Но никак не могу взять в толк: как с опорой на традиции столь различных религий можно развивать единую российскую политическую систему, а главное — нужно ли это делать в XXI веке?

«Государственная Дума выражает уверенность, что в настоящее время все политические силы страны должны объединить свои усилия для укрепления национального единства, упрочения гражданского мира и согласия, сплочения российского народа на основе наших традиционных духовных ценностей». В переводе эта ключевая фраза документа означает, что оппозиция на основе традиционных ценностей должна сплотиться с властью, а точнее — подчиниться ей. Надо отдать должное кремлевским

политтехнологам, которые провели простую, но крайне удачную «двухходовку».

Первый ход: политический раскол общества после фальсифицированных думских, а отчасти и президентских выборов благополучно заменили расколом между приверженцами церкви и антиклерикалами. Второй ход: преодоление этого искусственно созданного раскола и восстановление гражданского мира производится на базе традиционных духовных (читай — религиозных) ценностей. Кто против духовности? Как и любой нормальный человек, я лично «за»! Вот только политическая повестка уже совсем другая. Вместо коррупции и политических фальсификаций все обсуждают пляски в храме и вандализм со спиливанием крестов. Поистине, если бы известных девиц не было, власть должна была их выдумать.

Но продолжим чтение: «Этому может способствовать дальнейшее религиозное просвещение общества, включая соответствующую духовно-воспитательную работу среди молодежи». При обсуждении постановления в Думе известный математик, член-корреспондент РАН и депутат Госдумы Б. С. Кашин пытался исключить из текста слово «религиозное», но не тут-то было. Между тем, история, конечно, знает примеры религиозного просвещения — преимущественно в Средние века, а также в тех странах, которые не вполне преодолели средневековое состояние. Однако в абсолютном большинстве случаев просвещение в истории имело светский, а нередко — прямо антиклерикальный и даже антирелигиозный характер.

Общеизвестно: наиболее яркие примеры «просвещенного абсолютизма» в России дают Петр I и Екатерина II. Но именно при них наиболее активно проходили и процессы секу-

ляризации, включая замену патриаршества Священным синодом (то есть прямым государственным управлением), изъятие земли у монастырей и даже литье пушек из колоколов. Екатерину II не без некоторых оснований именуют вольтерьянкой — и потому, что она переписывалась с известным французским философом, и потому, что разделяла некоторые его идеи. Между тем, мало кто столь много, сколь Вольтер, иронизировал по поводу средневековых церковных установлений. Правда, его призыв «Раздавите гадину!» относился к католической церкви, но в России католиков немало, и кто-нибудь из них наверняка почувствует себя оскорбленным. За будущее вольтеровского наследия в России я тоже не поручусь.

В целом же не существует доказательств того, что более религиозное общество вместе с тем является и более нравственным. Легче привести примеры обратного. Так, уровень преступности в религиозно индифферентных скандинавских странах значительно ниже по сравнению с весьма религиозными Соединенными Штатами. Что же касается нашего собственного опыта, то в официально атеистическую советскую эпоху этот уровень также был несопоставимо ниже по сравнению с эпохой после советской, когда признавать себя неверующими стало почти неприлично. Кто-то из церковных иерархов еще в 1990-х однажды публично заметил: коммунисты были, конечно, безбожники, но православные ценности сохраняли много лучше новых демонстративно религиозных властей.

В свое время Н. А. Бердяев заметил, что настоящая буржуазность в России возможна только после коммунизма². Увы, эта фраза оказалась пророчес-

² См. Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119–120.

кой. Как известно, развитие общества вообще имеет циклический характер, а в революционных и постреволюционных исторических ситуациях (какую мы сейчас переживаем) подчиняется «закону маятника». В соответствии с этим законом Россия и достигла рекордных для своей истории пределов атомизации общества и примитивного потребительства. Причем получила проблемы потребительского общества при отсутствии высокого уровня потребления, то есть не имея самого потребительского общества!

В связи с этим наибольший практический интерес представляет идеология «партии власти». Разумеется, не в лице «Единой России», сформированной «сверху» и не имеющей собственных ясно очерченных политических представлений, но в лице администрации президента и отчасти правительства, сформировавших «Единую Россию» и разработавших для нее идеологию. Если судить не по декларациям, но по практическим действиям, главной особенностью этой идеологии является синкретическое сочетание радикального либерализма (неоконсерватизма) в экономике с авторитаризмом в политике и внешними атрибутами православия в духовной сфере.

Такое сочетание несочетаемого не только крайне противоречиво, но и вредно с точки зрения духовно-нравственной ситуации в стране. Крайне противоречиво, ибо в православной традиции, пронизавшей отечественную культуру, очень сильна ориентация на социальную справедливость, общинность (социальную солидарность) и неутилитарные (постматериальные) ценности. Напротив, праволиберальный рыночный фетишизм ориентирован на формирование не только «дикого» капитализма, но и модели личности в духе «одинокого волка». Не случайно даже в праволи-

беральном «Московском комсомольце» студенты еще более праволиберальной Высшей школы экономики в статье А. Минкина в свое время именовались «молодыми людоедами»³!

Переплетение «трех составных частей» новой социальной идеологии способно нанести вред и самому православию. В частности, деформируются система православных ценностей и ее возможная социокультурная роль: новая экономическая и политическая элита стремится превратить православие в феномен «массовой культуры», позволяющий ей «грешить и каяться» — сохранять перед обществом благообразное лицо, по-прежнему с легкостью нарушая все десять заповедей и большую часть действующих законов практическими делами в «рыночной экономике» и политической жизни. В итоге рост числа людей, относящих себя к православным, принципиально не меняет идеологической ситуации в обществе. Более того, налицо следующий парадокс: чем больше в стране приверженцев православной религии, тем меньше приверженцев православной культуры в смысле характерной для нее неутилитарной, прагматической жизненной ориентации.

Позволю себе некоторые выводы.

1. Левые политические силы России безусловно должны защищать чувства верующих, — но также и неверующих, включая атеистов. Если верно, что 80 процентов опрошенного российского населения выступают за ужесточение наказаний, связанных с оскорблением религиозных убеждений и чувств, то среди оставшихся 20 процентов не менее половины придерживаются левых взглядов.

2. Левые политические силы, как и образованные люди вообще, могут и

³ См. «Московский комсомолец». 30.11.2001. № 268.

должны защищать не любые религиозные чувства и убеждения, но лишь те, которые обрели цивилизованную форму и не связаны с подавлением чувств и убеждений других людей.

3. Недопустимо отступление от конституционного принципа светского государства и светского образования. В противном случае вместо укрепления национальной идентичности мы получим новый раскол — причем по линии, крайне неблагоприятной для левого движения.

4. Отношения левых политиков с традиционными конфессиями следует строить в зависимости от их близости с властями предрержащими.

В рамках принципа «нет власти не от Бога» конфессии могут либо сохранять политический нейтралитет, либо активно действовать как часть сросшейся с государством машины манипулирования массовым сознанием. В последнем случае, оставляя в стороне философско-мировоззренческие различия, левые никак не могут отказываться от политической критики.

Возвращаясь к многократно цитированному думскому постановлению, хочется перефразировать Владимира Высоцкого:

Нет, и в Думе все не так,
все не так, ребята...

